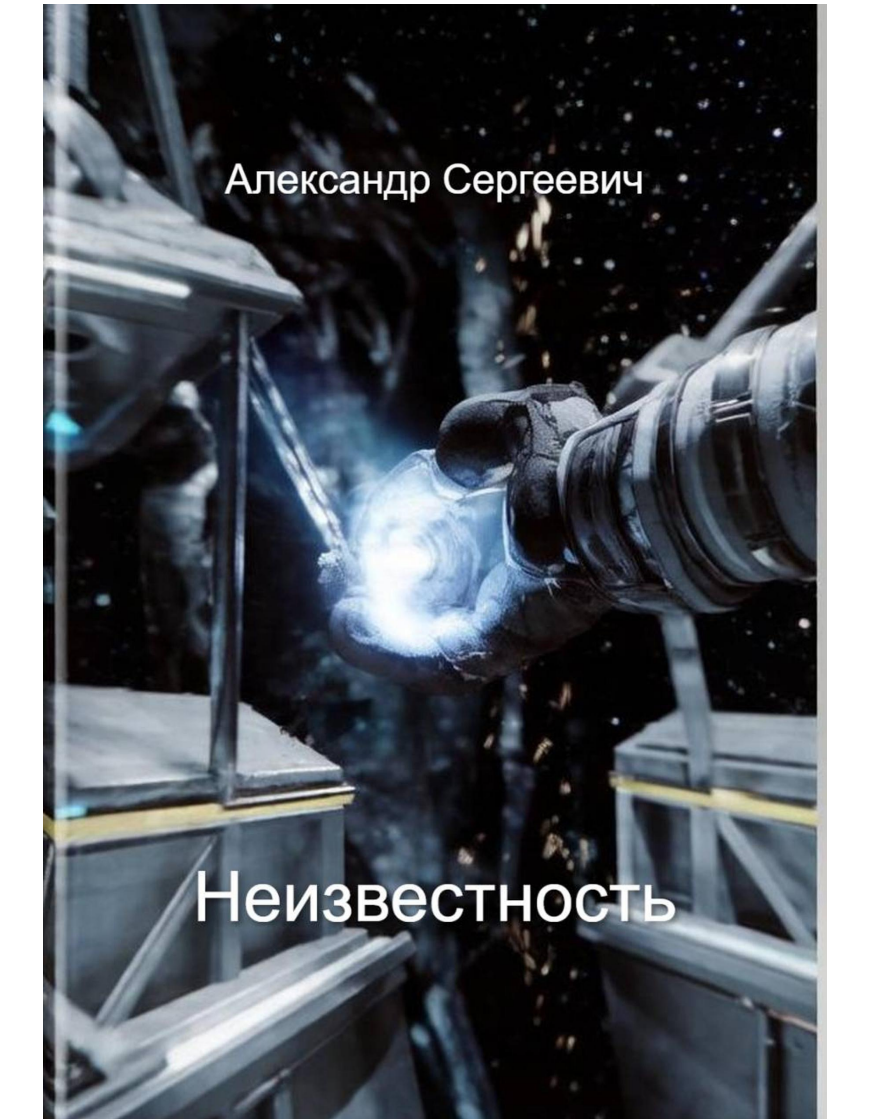

A close-up photograph of a robotic welding arm in a dark industrial environment. The arm is positioned on the right side of the frame, with its nozzle emitting a bright blue-white light as it welds a metal structure. Sparks are visible in the background, suggesting a high-temperature process. The overall scene is dimly lit, with the primary light source being the welding torch.

Александр Сергеевич

Неизвестность

Александр Малышев

Неизвестность

<https://litres.ru/74662478>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы думали, это просто заброшенный гигант. Очередной «летучий голландец» в поясе астероидов, пустой и вычищенный под ноль. Но когда жидкость из пробирки слилась с кожей нашего повара, открыв в его руке портал в чужой океан, мы поняли: это не авария. Это ловушка. Сюда пришла не наука. Пришла Федерация — «мусорщики с мандатом», которые забирают всё, что не могут объяснить, и стирают свидетелей. Но они боятся этой «Неизвестности» больше, чем мы. Они называют её «Зов». Когда из темноты космоса на нас вышло нечто размером с планету, у нас остался только один выход. Шагнуть в дверь, за которой нас никто не ждет. Космический триллер о том, что некоторые двери лучше держать закрытыми.

Александр Малышев

Неизвестность

Глава 1 Неизвестность

Так, ребята, есть задание для нас. Коутен, для тебя как для лучшего повара этого старого корыта есть особое задание — накормить нас вкусно и сытно. Так. Марза, ты идешь в учебную каюту и делаешь уроки, приду — проверю. Студень, ты сидишь на координатах и ищешь сигналы о помощи.

А что ты будешь делать? — услышал я голос вдалеке.

Я тут же прислушался и пошел на голос. Я увидел Марину. У нее просто не было кликухи, и мы решили ее не называть. да она и сама не хотела, честно говоря. Та еще вреднючка.

— Так, ты сказал, ты будешь рядом? — и она села на кресло второго пилота.

Я сказал:

— Так, ребята, веселей! Мы летим.

— Ну веди, красавчик, — сказала мне Марина.

«Люблю ее», — сказал я ей про себя, и мы полетели. На гипере. Мы вышли из гипера, и тут:

— Студень? Студень?

— Ах да, капитан, есть сигнал. Один тут неподалеку.

Вроде, корабль.

Так, сказал я, мы летим туда. Прилетая туда, мы увидели страшную картину. Там был корабль, пустой, среди огром-

ного космоса. Он был такой здоровый, что мы казались на его фоне просто челноком, хотя сами тоже были кораблем Объединенной Нации.

Странно, — сказал я, — но я увидел посадочную полосу на корабле. Ее никто не убирал, и мы благополучно сели.

Все было отлично. Мы вышли, но перед выходом я всем скомандовал:

— Так, ребята, готовим пушки и без церемоний. — Так, красавчик, — сказала Марина, толкнула меня легонько и пошла вперед. И остальные тоже. Я лишь говорил:

— Так, давайте быстрее, не задерживаемся, в темпе! Ну и я крайний. Ребята там уже убежали, а я за ними скатился. Я по должности ну ладно, замыкающий. Марза осмотрела уже весь корабль и ничего не нашла, но ее суперкомпьютер, ее личный гаджет, показал, что этот корабль стоит здесь уже лет пятьдесят. Студень посмотрел топливо в баках — оно было на удивление полным, да и внешних повреждений не было. На обшивке — ни царапины. Мы обошли все отсеки, но людей, экипажа — не было.

— Странно. Кому же помощь нужна? — Тупик, — сказал я. — Мы стали уходить. Если что, Федерации скажем, что тут корабль странный, они уберут его, и все. — Все, пошли, ребята, — сказал я, и мы пошли. Но

Марина всех остановила и сказала, что кое-что нашла. Странную пробирку с названием «Неизвестность». Я посмотрел на пробирку: там была жидкость, она будто двига-

лась. Что-то живое, непонятное.

— Интересно, — сказал я, ухмыляясь. — И название «Неизвестность». Что за тупое название, — фыркнул Студень.

— А я сказал, что да, согласен, фантазии не хватило. А может, это объем способности вещества в ней? Типа, нету края в нем? — сказала Марина, хватая пробирку у меня из рук. — Может быть, это что-то новое, что может открыть новые возможности в космосе? Переход из одного мира, например, в другой.

Она посмотрела на нас, а мы как стадо клоунов на нее непонятно посмотрели.

— да не, — вздохнула она. — Это так, просто жидкость. Возможно.

— И я сказал: надо ее взять с собой на изучение. Или может здесь есть лаборатория, где можно узнать содержимое. Ну ладно, погнали.

Лаборатория на борту оказалась рабочей — герметичной, маленькой, пропахшей озоном, с анализатором, которому лет было больше, чем самой Марзе.

Студень сунул пробирку в сканер. Тот помигал, пожужжал, выплевывая перфоленту, и выдал вердикт: - ВЕЩЕСТВО ВЫСОКОЙ ОПАСНОСТИ. КЛАСС:

ЛЕТАЛЬНЫЙ. РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕ КОНТАКТИРОВАТЬ. СРОЧНО ИЗОЛИРОВАТЬ.

— Ну всё, — сказал Студень и отошел на два шага, как

от непотушенной шашечки. — Яд. Нафиг его. Запечатываем отсек и валим.

— Нефиговая жидкость, — пробормотал Коутен, принимаясь к пробирке на безопасном расстоянии. ████████ Та-кую и на врагов вылить можно. Главное, чтобы Коутен не перепутал ее с новым соусом, — добавил он, глядя на повара.

Все отшатнулись. Все, кроме Марины.

— Погоди, — сказала она и постучала пальцем по треснувшему экрану. — Смотрите. Он же анализатор

старый. Он каждое незнакомое вещество пишет как «летальный». Это баг системы. Это... — она на секунду запнулась, — это что-то новое. Просто новое. А новое — не значит опасное.

— Новое всегда значит опасное, — сказал я, чувствуя, как по спине ползет холодок. — Вспомни, как мы впервые встретили плазменных медуз в секторе Tau-1 2. — Значит, никто не будет его изучать? — Марина пожала плечами. — Тогда зачем мы вообще летаем?

Пробирка вернулась в лабораторию. Мы поставили её в прозрачный бронированный бокс — посреди стола, под тусклой желтой лампой. И, честно говоря, мы её просто смотрели. Каждый день. По очереди, как в дежурство. Марза принесла из каюты плед и стелила его на пол, садясь напротив бокса. Студень сверял показания внешних датчиков, пытаясь уловить хоть малейшее излучение. Коутен, заходя, ставил рядом с боксом чашку кофе — «для атмосферы».

— Ладно, хоть еда у нас есть, — сказал я на седьмой день. Неделю так просидели.

И Марина не выдержала.

Она потянулась к пробирке.

— Стой, — сказал я, перехватывая её руку. — Мы не знаем, что там внутри. Мало ли — космическая радиация, которая нас всех нафиг убьёт. Или биологическая угроза. Мы даже скафандры не надели. — Сканер старый, — отмахнулась она. — Видимо, ещё со старой Земли. Но я уверена: это вещество безопасно. Оно пульсирует, понимаешь? Как сердце. Злое вещество не будет так пульсировать.

— Ну тогда мы точно умрём, — усмехнулся я, но пальцы разжал.

Она открыла пробирку.

— Одна капля. для изучения, — сказала она.

И я кивнул. Думая: давай, убивай нас всех.

Капля упала на металлический пол корабля. В пробирке жидкость была густая, красная. Живая, крутящаяся, похожая на венозную кровь. А в капле на полу она мгновенно стала прозрачной — как вода. Как ни в чём не бывало. Только края этой лужицы едва заметно серебрились, преломляя свет.

— Ахренеть, — сказал я, чувствуя, как пересохло в горле.

— Это портал. Или окно.

Я наклонился к ней. Марина наклонилась рядом, её волосы коснулись моего плеча.

— да. Похоже на то, — прошептала она. — Там... там другая гравитация. Посмотри, как преломляется лампа. И тогда я лёг на холодный пол корабля и начал слушать. Звуки. Крики — оттуда, изнутри капли. Все отшатнулись от лужицы, отскочив к переборкам. А я остался лежать и слушать его. Или их. Там их было много. Крики, гул — и рёв какого-то существа, огромного, как гроза. Звук был такой низкий, что вибрировали зубы. Сквозь него пробивался лязг металла и чей-то далекий, нечеловеческий плач.

Интересно, подумал я.

— Капитан, — голос Студня дрожал. — Внешние датчики фиксируют падение давления в отсеке. Падает на сотые доли, но стабильно. Эта штука тянет воздух. — И время, — тихо добавила Марза, глядя на свой гаджет. — Внутри капли время идет иначе. Там прошла минута, а у нас — уже три секунды.

Я поднял голову, отрываясь от созерцания бездны под ногами. Лужица на полу начала медленно расширяться, впитываясь в металл.

— Так, — сказал я, поднимаясь на ноги и отряхивая комбез. — Отставить панику. Коутен, тащи пищевой герметизатор. Студень, перекрой вентиляцию этого отсека. Марза, снимай показания, пока эта дрянь не сожрала пол. А ты, — я посмотрел на Марину, которая всё еще стояла на коленях у самой границы лужи, — отойди. Быстро. Мы не знаем, что это, но теперь это наш единственный билет домой, если что-

то пойдет не так. И наш единственный шанс узнать, что случилось с этим «корытом».

Глава 2 Стабильность

И я закрыл один глаз и посмотрел внутрь капли.

И увидел его.

Монстр стоял там — далеко, у горизонта чужого мира. И просто шёл. Мимо. Не замечая меня. Я для него был меньше пылинки. Меньше капли — ха. Его шаги не сотрясали землю, но от каждого движения по небу чужого мира расходились фиолетовые круги, как от камня, брошенного в чернильную воду.

— Интересно, — сказал я ещё раз и поднялся, отряхивая колени. — А как его убрать? — сказала Марина. — Типо... ну, портал.

— А может, он сам уберётся, — сказал Студень, нервно переминаясь с ноги на ногу. А Марзы давно не было видно.

— Куда она ушла?..

И тут её голос — знакомый, из коридора:

— Ребята! Я нашла ещё одну пробирку!

Она вернулась, размахивая второй пробиркой — та лежала в ящике с инструментами, среди плазменных резак и газовых баллонов, обмотанная изолентой.

Я подошёл и взял её. На этикетке — одно слово:

«Стабильность».

— Ну и название, — подумал я вслух. — «Неизвестность» и «Стабильность». Что за...? И тут Марина выдала теорию:

— А что, если «Неизвестность» — это портал. А «Стабильность» — закрывает его?

— Нет, — сказал я. — Думаю, проще. Это просто другой портал. В другой мир. Или, может, в тот же, но в другое время.

— Спорим, что «Стабильность» закрывает «Неизвестность»? — её глаза азартно блеснули.

Весь экипаж посмотрел на меня.

Ладно, девчонка, подумал я. Я принимаю вызов.

— Ладно. Давай посмотрим.

Она взяла пипетку, открыла пробирку со

«Стабильностью», втянула немного вязкой, серебристой жидкости и капнула на лужицу.

Ничего не произошло.

— Ха, — сказал Коутен и, для смеха, кинул в лужицу ручку. Ручка утонула. И всё. Мы слышали только глухой

«чпок», когда она прошла невидимую границу. А потом капля «Стабильности» докатилась до края лужицы и коснулась её.

Портал не исчез — он потух. Сначала перестала идти рябь. Потом вода потеряла глубину, став плоской, как обычное стекло. И через секунду на палубе была просто прозрачная лужица обычной воды.

— Интересно, — сказал я. — Значит, вреднючка права. — То есть «Неизвестность» открывает портал, а «Стабильность» закрывает, — сказал я.

— да, именно, — сказала Марина.

И замолчала. Мы все замолчали.

Потому что теперь всем было ясно одно: кто-то сделал эти две пробирки. Знал про порталы. Умел их открывать — и умел закрывать.

— И где этот гений, который всё это создал? — сказал я, глядя на свои руки, которые всё ещё слегка дрожали. — И жив ли он?

Я посмотрел на место портала.

Вода. Просто вода. На вкус я пробовать её не стал — мало ли, яд, или того хуже, чужеродная микрофлора. Коутен просто взял грязную ветошь из кармана и убрал

— Молодец, — сказал я ему. — Всё. Проблем нет. — Сказал Коутен, выжимая тряпку в утилизатор.

— А загадок — тьма, — сказал я.

Я подошёл к Марине. Она стояла в стороне и смотрела на пол — туда, где минуту назад лежала лужица с океаном.

— Послушай, — начал я. — А почему именно вода осталась? Видимо, это реально вода. Но почему от портала остаётся вода? Марина пожала плечами:

— Может, портал сам из воды. Или портал так следы зачищает. Честно... я сама не знаю.

И пошла в коридор.

А мы так и стояли в лаборатории, разговаривая. О том, о сём. Как будто ничего не случилось. Как будто мы только что не смотрели в глаза существу размером с планету.

Я решил прогуляться по кораблю и зайти в мусорный отсек на гиганте. Он был в идеальном порядке. В этомто и была главная, пугающая странность.

Люди пропали — а мусор собрали. Баки закрыты, крышки задраены, сортировка не сорвана. Как будто экипаж ушёл аккуратно. Как будто их кто-то вежливо попросил построиться у шлюза.

Студень лазил в баке с бытовыми отходами, копаясь в слипшихся картонных коробках. Коутен — в контейнере с упаковкой от пайков. Я подошёл к последнему — к тому, где сжигают. Инсинератор. Там лежали обгоревшие остатки: пластик, оплавленная плёнка, что-то, что когда-то было пакетами.

И халат.

Он лежал сверху — единственный, не тронутый огнём. Но весь в чёрном. Прожжённый по рукаву, в жирных пятнах, в копоты — как будто его владелец прошёл через дым и не заметил, или дым был частью его работы. Я вытащил его за плечи. Ткань была тяжёлая от въевшейся грязи и одновременно лёгкая, как чей-то конец.

На груди — бейджик. Стёкло треснуло, но прозрачный пластик держал фотографию и надпись.

ВИТАЛИЙ ЛЕОНОВ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ЭКСПЕРИМЕНТ

Я стоял и смотрел на эту строчку. «Ответственный за эксперимент».

— За какой, интересно, — сказал я тихо.

— Капитан, — позвал Студень. — Тут ещё коробки с лабораторными номерами. Пустые.

Пустые. Как сам корабль.

— Халат сжечь забыли, — сказал Коутен за моей спиной.

— Или не успели.

Или не успели. Или — не сжигать было.

Я свернул халат. Аккуратно, как мог, стараясь не вдыхать запах гари. И положил в сумку — не в мусорный контейнер, а к себе.

— Этот — с нами, — сказал я. — Федерация пусть посмотрит на бейджик. Виталий Леонов. Ответственный за эксперимент.

— Который и в халате-то этом не сбежал, — пробормотал Студень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.